

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Т11

Серия основана в 2011 году
Выпуск 467

Художник
А. Клепаков

Тебнёва Е. Г.

Т11 Светлячок: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 282 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2930-1

Я всегда считала, что светлой ведьме темный маг не пара, а потому, устав от попыток убежденной в обратном матушки устроить мою личную жизнь, ушла из дома. Под чужим именем и личиной, в надежде хотя бы немного пожить в свое удовольствие. Вот только одного я не учла: убегая от старых проблем, рискуешь столкнуться с новыми. И теперь мне предстоит выяснить, почему меня мучают кошмары, что скрывает случайный попутчик, какие тайны хранит древний замок, отчего незнакомый темный маг кажется близким и родным... и, самое главное, к чему же все-таки снятся драконы.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Тебнёва Е. Г., 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

ISBN 978-5-9922-2930-1

ПРОЛОГ

Поиграй... поиграй со мной...

Легкий и сухой, как осенний лист, шепот летел вперед, отражался эхом от деревьев и возвращался, чтобы дразняще коснуться растрепанных волос Эвана и, насытившись его отчаянием и бессильной злостью, вновь ускользнуть невесомым ветром.

Поиграй... поиграй со мной...

И Эван играл. Раз за разом, стиснув зубы и уповая на удачу. Играл — и неизменно проигрывал.

Вот и сейчас он чувствовал, что безнадежно опаздывает. Драгоценные мгновения растворялись в сбившемся дыхании, осыпались пыльным крошевом под торопливыми, но бесшумными шагами. Хотя даже топай он, словно танцующий чечетку дракон, вряд ли бы кто это расслышал.

На старом кладбище было весьма оживленно. Заливались опьяненные ароматами цветущих яблонь и черемухи соловьи, мерно рокотали облюбовавшие заросший ряской пруд лягушки, потрескивали в сочной траве невидимые насекомые, из-под невысоких могильных холмиков, заботливо окруженных защитными символами, доносились робкие постукивания. Обычная весенняя ночь на не очень спокойном, но неопасном кладбище.

Пока что неопасном.

Шепот исчез. Вместе с ним замер и Эван. Остановился, точно на стену наткнувшись, и едва удержался на ногах. Неподалеку, под прикрытием разлапистого дуба, зияла

разрытая могила, а вокруг кипела ночная жизнь... и не жизнь.

Брезгливо стряхнув с сапога шустро перебирающую высохшими костлявыми пальцами руку, вольготно гуляющую отдельно от остального тела, Эван замер, разглядывая зловеще мерцающий провал, откуда раздавалось шипение, почти теряющееся в сладких соловьиных трелях.

По ноге деликатно постучали и сильно дернули за штанину. Поморщившись, он одним пассаом упокоил чью-то слишком активную и настырную конечность, шагнул было к могиле... но не успел.

Ухнула сова, резко, отрывисто, и на кладбище словно полог набросили — огромный, глушащий все звуки, стирающий четкие очертания и запахи, клонящий к земле, уничтожающий само время.

Миг. Второй. Растянувшаяся между ними вечность... И невидимая рука сдернула полог, возвращая все на круги своя.

Эван тяжело рухнул на колени, борясь с подступающей дурнотой и головокружением, из-за чего пропустил момент, когда из ямы, пыхтя и отдуваясь, неловко выбралась тонкая фигурка. Золотистый светляк, вылетевший из ее дрогнувшей ладони, на миг осветил бледное девичье лицо с испуганно расширенными глазами и погас. От неожиданности девушка запнулась о брошенную наземь лопату, выругалась и, подхватив оную, направилась прочь, то и дело вздрагивая от скрежета мощных когтей по ту сторону зачарованных могил, резких криков птиц и подозрительных шорохов, на кои старое кладбище лишенной луны и звезд ночью оказалось удивительно щедро.

Эван даже дернуться в ее сторону не сумел, хотя и очень старался, и лишь когда легкие шаги давным-давно стихли, медленно поднялся с колен. Он снова опоздал. Его снова провели, обыграли. Как сопливого мальчишку! С другой же стороны... Он впервые за все это безумное время увидел ее так близко. Прикрыв глаза, Эван припомнил невысокий

рост, ясные голубые глаза, светлые, с золотым отливом волосы. Неполноценный портрет, конечно, но все же, все же...

Глубоко вздохнув, Эван подошел к разрытой могиле, широкой, будто двухместной, спрыгнул на дно. Щелчком пальцев вызвав светляка, осмотрелся... И тяжело сглотнул, увидев-таки у противоположной стены то, чего ждал и чего опасался. Он заворожено разглядывал свою страшную находку, подсвеченную золотистым светом, пульсирующую отголосками чар, и так тяжело было сдержаться, чтобы не протянуть руку и не коснуться ее...

Он тряхнул головой, избавляясь от наваждения, поставил вокруг могилы охранный контур, призванный защитить это место от любопытных. Хотел было уже выбирать, но замешкался, резко наклонился, подхватил что-то с земли и, повертев это в пальцах, спрятал в карман.

К разрозненным чертам облика неуловимой игруньи прибавилось кое-что посущественнее. Еще не победа, но уже и не чистый проигрыш.

Вновь ухнула сова, а в следующий миг ни в яме, ни рядом с ней никого уже не было. Только по-прежнему звонко пели соловьи да скреблись в тщетной попытке выбраться наружу мертвецы, растревоженные новолунием и свершившимся запретным колдовством.

ГЛАВА 1

Светлой ведьме на ночном кладбище не место! Там грязно, мрачно, страшно и противно. И даже не знаю, что из вышеперечисленного хуже! Хотя нет. Знаю. Остановившись, я недобро покосилась на лопату, глухо звякнувшую об очередной камень. Бросить бы ее прямо здесь, да жалко. Хорошая лопата, крепкая. Тяжелая только зараза... Вздыхнув, я продолжила путь, волоча ее за собой. Сказать кому — точно засмеют. Шастаю по ночам, словно какая-нибудь темная и притом окончательно спятившая ведьма, в могилы падаю... Лопаты краду! Но с ней я чувствовала себя увереннее, какое-никакое, а оружие. Сумею ли его применить — уже другой вопрос, узнавать ответ на который не хотелось. А Дейдра наверняка спит и десятый сон видит. Или сидит на кровати в обнимку с кружкой горячего шоколада и интересной книгой. И оба варианта бесили совершенно одинаково.

Улицы были пусты, слава Светлой паре. И позориться, проходя через ворота, не пришлось: я знала не одну лазейку в городских стенах. Пагубное влияние сестрички налицо, но в данном случае я и не думала жаловаться. Как и на знание коротких путей к дому. И больше, чем подозрительных личностей, у коих в данный момент вполне могла сойти за свою, я боялась столкнуться с патрулем. Но патрульные то ли обходили другие улицы, то ли предавались неурочному сну. В общем, повезло мне. Невероятно повезло!

В нескольких шагах от дома я поняла, что то было не везение, а подготовка к крупной пакости. Означенная па-

кость привалилась к столбику ограды и клевала длинным носом, пытаясь утопить оный в крепко прижимаемом к ху-досочной груди букете. Букет был тяжел, пышен, невероятно пахуч и совершенно безвкусен. Свет фонаря вызолотил белобрысую макушку и растрепавшиеся кудри пако-сти, безжалостно подчеркнул грязную полоску на рукаве нарядного светло-бежевого костюма и след от чьего-то бо-тинка на правой штанине.

Доран в своем репертуаре. Только вот именно этой но-чью я концертов не ждала.

Остановилась в замешательстве, решая, удастся ли про-скользнуть мимо задремавшей опасности или же лучше обойти дом и перелезть ограду со стороны сада. Рисковать не хотелось, и я осторожно попятилась... совершенно поза-быв о демоновой лопате!

На сей раз эта поганка лязгнула так, что удивительно, как всех соседей не перебудила. Шансов, что маньяк с цве-тами не проснется, не было, и я рванула наутек, вот только ободренный неординарной побудкой кошмар оказался шустрее.

— Кайра! — радостно оскалился он, вырастая на моем пути. — Я уж думал, не дождусь!

— Чего тогда не убрался, раз думал? — неприязненно выдала я, попятившись.

— Надежда, как и любовь, бессмертна! — пылко заявил Доран и почти ткнул своим веником мне в лицо — еле от-шатнуться успела. — Цветы для цветка! — добил меж тем мой личный кошмар.

Я скривилась от слишком высокой концентрации пафо-са и пошлости, неизвестно как помещающихся в тщедуш-ном с виду парне, но цветы взяла. Просто по печальному опыту знала, что иначе будет хуже. Так мы хотя бы наеди-не, и никто этого представления не видит. А вот если на ко-шачьи вопли Дорана, обиженного невниманием к его кра-сивым жестам, сбегутся зрители... К демонам! Одного раза с лихвой хватило. И главное, бить это недоразумение нель-

зя. Сын градоначальника как-никак. Мне-то все равно, но вот мама настоятельно просила рук не распускать. Вот и сейчас пришлось сцепить зубы и выдавить подобие улыбки. Даже представлять не хочу, как меня перекосило — и это в дополнение к остальному потрепанному вылазкой на кладбище светлому облику! Хотя Дорану, судя по просиявшему личику, понравилось. Похоже, ему нравилось абсолютно все, что бы я ни делала! И как бы я ни выглядела, увы и ах.

Желание забыть о маминых запретах и внушениях, что сын градоначальника более чем завидная партия, стало невыносимым. Уроненная лопата так и просилась в руки...

— Чудесная ночь, не правда ли? — не унимался тем временем Доран.

Ночь и в самом деле была чудесна. В мягком свете фонарей сияли усыпанные белоснежными цветами яблони, в воздухе витали нежнейшие ароматы. И делить это чудо с Дораном я не собиралась.

— Именно что ночь, — буркнула я, бочком пятясь к калитке. Всего-то пара шагов — и я спасена. — Спать пора. Сладких снов, Дор.

Но закон подлости сработал и на сей раз. Наверное, сыночка градоправителя черемуховым воздухом передышал — ничем иным объяснить такую прыть и наглость я просто не могла.

— Ты мой сладкий сон! — сцапав меня в неуклюжие объятия, выдохнул Доран и не менее неуклюже, зато крепко прижался к моим губам своими.

Светлая пара! Отвратительнее момента я за все свои двадцать два года не переживала!

Рука с букетом взлетела в тот же миг и опустилась на голову вконец обнаглевшего кошмара. Не лопата, конечно, но тоже сойдет! Судя по сдавленному воплю, собственный букет Доран оценил по достоинству.

Теперь пятился он. Я же наступала, разозленная до крайности и уверенная в том, что на пару крепких ударов по пустой черепушке букета точно хватит.

— Кайра, ты чего?! — проныл сыночка градоправителя, выставив перед собой дрожащие руки.

— Я чего?! — подобно потревоженной гадюке прошипела я. — А ты?! С-с-совсем с-с-стыд потерял?!

Еще и букетом для острастки махнула. Дор дернулся, споткнулся об удачно — для меня, разумеется! — подвернувшуюся лопату и с размаху сел на мостовую.

— Госпожа Райна сказала, что тебе понравится! — возопил окончательно сломленный противник, закрывая взлохмаченную голову руками.

Я остановилась, бессильно скрипнула зубами и со злостью шмякнула букет рядом с Дораном. Надо было сразу догадаться, что без заботливой матушки не обошлось!

— Жаль, она не сказала, чтобы ты с моста спрыгнул, — пробормотала я. — Это бы мне точно понравилось...

— Что? — не расслышал Доран, все еще сидя на мостовой.

— Домой иди, говорю, — повысила голос я. — И, пожалуйста, забудь сюда дорогу. И маму мою не слушай! Иначе в следующий раз я тебя не букетом приласкаю, а чем-нибудь потяжелее!

Красноречивый взгляд, брошенный на лопату, оказался решающим. Побледнев, Дор подхватился с земли и, не оглядываясь, припустил вниз по улице.

Устало глядя вслед потрепанному парню, я осознала, что все-таки побила сына высокого начальства. И не испытала ничего, кроме злорадного удовлетворения и сожаления, что не сделала этого раньше.

В дом я вошла уставшая и злая, аки умученный студентами-практикантами демон. Хотелось принять ванну — восхитительно горячую, с пышной ароматной пеной, — выпить сладкого чаю и уснуть. Хорошо бы на сутки, но это

уже из области несбыточных фантазий. Мигом позже остальные мои желания плавно переместились туда же.

Невзирая на поздний час, в гостиной горело множество свечей, расставленных прямо на полу. Посреди комнаты на ржавых, крепящихся к потолку цепях покачивался огромный котел, под ним весело плясало магическое ярко-зеленое пламя, не причиняющее вреда начищенному до блеска паркету. Терпкие ароматы полыни, ромашки, мяты и прочей излишне пахучей травы едва не сбили меня с ног — как и средней упитанности летучая мышь, с противным писком устремившаяся в спасительно распахнутую дверь. И я прекрасно ее понимала, сама чуть было не развернулась с намерением унести отсюда ноги, но было поздно — облаченная в темно-серебристый длинный плащ женщина, до сего мига самозабвенно помешивающая в котле булькающее варево, вскинула голову и заметила меня. Капюшон скользнул со светлых волос, на алых губах расцвела довольно-таки хищная улыбка... которая быстро увяла.

Не знаю, на что рассчитывала госпожа Райна Наррай, вот только, разглядев на пороге хмурюю дочь, улыбаться перестала, выронила тут же поглощенный варевом черпак и даже ладонь к груди показательно прижала. Я лишь ухмыльнулась. На папу это еще действовало, и то время от времени, на меня и Дейдру — нет.

— Сердце с левой стороны, ма, — прислонив к стене лопату, с которой забыла расстаться на крыльце, просветила родительницу я. — Хотя в твоём случае сомневаюсь, что оно вообще есть.

— Да как ты можешь!.. — всплеснув руками и едва не опрокинув котел, оскорбилась женщина, внешне более походившая на мою сестру, нежели на мать.

О ее поведении я предпочитала даже не думать, ибо родителей не выбирают... Детей, впрочем, тоже. Так что, можно сказать, здесь мы были квиты.

— А что насчет тебя? — меланхолично поинтересовалась я, избавляясь от грязных ботинок и куртки. В загадоч-

ном мерцании свечей казалось, что то и не грязь вовсе, а самая что ни на есть настоящая кровь. Брр. — Или натравливать на родную дочь неадекватного ухажера — это святой материнский долг?

— Что с Дораном? — уловив зловещие нотки в моем голосе, переполошилась матушка. Она даже о зелье позабыла, и оно булькало все громче и громче, требуя внимания нерадивой ведьмы.

Надеюсь, не взорвется. Хотя...

— Жив, — полюбовавшись на особо крупный пузырь, надувшийся и с противным хлюпом лопнувший в котле, хмыкнула я и веско добавила: — Пока. Клянусь, если он опять полезет с поцелуями, я за себя не отвечаю!

— Несчастный мальчик влюблен в тебя, — расслабилась матушка, выяснив, что на сей раз все обошлось. Ну или почти обошлось. Легкий пасс левой рукой — и зелье успокоилось, заставив меня разочарованно вздохнуть. — Я всего лишь посоветовала ему быть настойчивее.

— Да куда уж настойчивее, мама?! — простонала я. — Он меня уже достал! Как и предыдущий твой кандидат! И тот, что был до предыдущего! И все те, что не давали прохода с того момента, как мне исполнилось пятнадцать! Ну когда же ты наконец успокоишься?!

— Когда пойму, что будущее моей дочери определено и о ней будет кому позаботиться! — отрезала матушка и, выловив черпак, излишне энергично пошуровала оным в котле.

— Я сама о себе забочусь, — поморщилась я. — А еще — о тебе, отце и Дейдре! Тебе этого недостаточно?

— О твоём же счастье пекусь! — топнула обувью в изящную туфельку ногой госпожа Райна. На пол полетели ядовито-зеленые брызги, застывшие светящейся россыпью.

— Тогда прекрати подсылать подозрительных личностей, — попросила я, не особо рассчитывая на успех.

— Они не подозрительные! Обеспеченные молодые люди, наделенные сильным магическим даром, — да о такой партии мечтает любая здравомыслящая девушка!

— Темным даром, исключительно темным, — фыркнула я. — Думаешь, я не заметила? И я — не любая!

— Да, я погорячилась, назвав тебя здравомыслящей, — поджала она губы. — Светлая на всю голову, как и твой несносный папаша!

— И горжусь этим! — задрала я нос, за что едва не заплакала — все же в пылу выяснения отношений, одновременно борясь с одолевающим сном, чревато подниматься по лестнице. Спиной вперед, чтобы не выпустить из поля зрения противника в лице разозленной темной ведьмы, у которой из-за одного досадного недоразумения родилась дочь с сильным светлым даром.

Под недоразумением матушка подразумевала моего отца. История у них была сложная и запутанная, и я до сих пор так и не поняла, как у них вообще смогла на свет появиться сначала я, а потом и моя сестра. Все-таки такие отношения чаще всего заканчиваются не пополнением семейства, а холодным трупом заклётого врага... а то и двумя при удачном исходе. Но мы были семьей. Странной, непонятной, но все же. Я вот даже до своих лет умудрилась дожить и даже не свихнулась. Почти. Хотя меня и угораздило родиться с двумя активными дарами — темным и светлым. В одном человеке они, как правило, не уживались, а потому пришлось выбирать, какой оставить, а какой блокировать. Естественно, матушка не собиралась дожидаться моего взросления и осознанного решения. Отец был против, они даже крупно поссорились и разбежались, продолжая делить меня. Мама все же победила, и по ее велению мне попытались перекрыть светлый дар. Пару десятков раз пытались, да. А потом он взбунтовался и выжег оказавшийся более слабым темный.

Ох, как же матушка разъярилась! И, конечно же, обвинила во всем папу. Вот только снова разбежаться не вы-

шло — к тому моменту она ждала второго ребенка. Пришлось маме свыкнуться с тем, что ее дочь наделена столь ненавистой ей светлой силой. Немалым утешением послужило то, что Дейдра родилась темной. Мамина отрада и надежда. В противовес мне, живому напоминанию о ее проигрыше. И пусть проиграла госпожа Райна самой природе, с которой тягаться мало кому под силу, полностью с этим она так и не смирилась. И от мысли, что сможет меня если не исправить, то хотя бы направить на путь истинный, не отказалась.

Светлые, темные... Всего лишь оттенок силы, указывающий, из какого источника мы черпаем магию! Это раньше считалось, что светлые находятся под покровительством Светлой пары богов, а темные — Темной. Когда Темные боги канули в небытие, их подопечные не исчезли, а источники не пересохли. Так что светлые — это не воплощение добра, а темные — не зло во плоти, но в последнее время мне все сложнее в это верить. Мама постаралась на славу, чего уж там.

Мы с Дейдрой с детства были окружены темными личностями. В самом что ни на есть прямом смысле. Мамочка вознамерилась приложить все усилия, чтобы ее дочери не повторили ошибку и не притащили в семью очередного светлого. Дейдру эта забота вполне устраивала, зато я отбрыкивалась от оной, как могла. Но помогало мало. Матушка таскала меня в свою ведьмовскую школу, читала сказки, где главными героями были темные, угрожала... прошу прощения, обещала, что и мой муж будет достойнейшим темным магом или ведьмаком. В общем, сделала все возможное, чтобы у одной светлой ведьмы развилась сильнейшая аллергия на темных. А когда я подросла и ко мне косяком повалили женихи, как на подбор наделенные темным даром... Тут уже не выдержал папа. Не знаю, что именно он сказал маме — из-за плотно закрытых дверей слышались лишь неразборчивые крики и грохот, и, как ни старались, мы с Дейдрой ничего не поняли, — но на ка-

кое-то время поток ухажеров иссяк, что позволило благополучно отучиться и даже найти работу. И вот мама вновь принялась за старое!

Едва не свалившись с лестницы под запоздалый мамин возглас: «А где ты, собственно, была и почему так выглядишь?!» — я ретировалась в свою комнату, по пути увернувшись еще от парочки летучих мышей, и, заперев дверь, сползла по ней на пол.

Уф! Иногда я завидовала отцу, целыми днями и ночами пропадающему в своей артефактной мастерской. Жаль, что и я так не могу. Хотя... почему бы и нет?

Странная, но вполне здравая мысль, отчего-то пришедшая в голову лишь сейчас, приободрила и дала сил подняться на ноги и, сбросив одежду, протопать в ванную комнату. Там же, расплетая косу, я обнаружила пропажу заколки — и расстроилась. Наверняка ведь обронила ее на кладбище. Красивая штучка и полезная, росту и здоровью волос способствующая, папин подарок, который я очень ценила. Да за эту вылазку Дейдра со мной не расплатится!

На столь желанную ванну с пеной меня уже не хватило. Быстро приняв душ, я завернулась в мягкий халат, вытащила из кармана брюк туго стянутый у горловины мешочек, приоткрыла дверь и, воровато оглядевшись, выскользнула в коридор. Помялась у комнаты сестры, прислушиваясь к сонной тишине, поняла, что эдак рискую дожждаться матушку, и все же вошла.

Погруженная во тьму безлунной ночи комната встретила неприветливо. Ни шороха простыней, ни сладкого посапывания... Ни-че-го! Я хлопком включила свет и скрипнула зубами. Ну, хоть бы куклу какую под одеяло засунула, нахалка малолетняя! И окно бы прикрыла, а то только плаката «Добро пожаловать, воры дорогие!» над ним и не хватает.

Пнув валявшуюся на полу забавную подушку в виде ромашки, я пробралась сквозь привычный бардак и опустилась на кровать. Вот ведь поганка! Не ложилась даже. На-

верняка сбежала из дома сразу же после того, как за мной дверь закрылась.

Я вздохнула и растянулась на запроваленной постели. Из моей сестрички получилась бы великолепная актриса. А может, это я слишком уж ей доверяю, настолько, что и мысли не возникло, что несчастная больная девочка, шмыгающая красным носом и трогательно хлопающая длинными ресницами, на самом деле вовсе не больна, а талантливо притворяется. И в результате ее глупая старшая сестрица потащила в ночь новолуния на старое кладбище, рискуя свернуть в темноте шею, нарваться на грабителей или нежить... или же на вооруженного букетом поклонника. Всегда подозревала, что причитающаяся ей доля совести досталась мне, тогда как она получила мое везение.

В открытое окно задувал свежий ветер, и в какой-то момент стало зябко. Я встала, потянулась к створкам — да так и замерла, напряженно вглядываясь в окутавший улицу ночной мрак, ощущая на себе чей-то пристальный и весьма недобрый взгляд. Естественно, никого я заметить не могла, но при этом осознавала, что меня на фоне освещенного окна видно прекрасно, вот только охвативший страх был настолько силен, что даже моргнуть не получалось.

Где-то громко хлопнула калитка, залилась коротким лаем собака, и я отшатнулась, умудрившись одновременно погасить свет и захлопнуть створки. Сползла по стене, пытаясь успокоить словно взбесившееся сердце. Да что это со мной такое? Неужели прогулка по кладбищу так на нервах сказалась? Ну да, там было страшно, но... Не до такой же степени!

Я перевела дух, но с пола так и не поднялась. На толстом ворсистом ковре было тепло и мягко, а подвергать себя новым испытаниям я желанием не пылала. Мало ли что еще примерещится, вдруг после этого и вовсе под кровать забьюсь? То-то Дейдра потешится, когда соизволит домой вернуться. Нет уж. Тешиться буду я! Имею полное

право отвести душу за пережитый ужас и за его последствия!

Подтянув колени к груди, прикрыла глаза. Вновь стало неуютно, но я себя пересилила. Нельзя потакать страхам, иначе придется служить им всю жизнь. То, что произошло на кладбище... Возможно, просто почудилось. Все же не стоило туда соваться, ох, не стоило! Как стереть из памяти внезапно накатившую волну вымораживающего ужаса? И чувство полета в разрытую, но пустую — хвала богам! — могилу, во время которого показалось, что я падаю в бездну? Что там, в ее глубинах, поджидает вечно голодная тьма, которой моя светлая сила будет всего на один укус, что я растворюсь в ней, стану бесплотным призраком, обреченным на скитания на грани небытия? Это длилось всего ничего, как я поняла потом, но сначала... О, сначала это показалось вечностью. Слишком высокая цена за мешочек трав. А я слишком наивна для старшей сестры темной ведьмы, которая в свои шестнадцать совершенно распустилась.

Пора умнеть и избавляться от излишней жалостливости, решила я, прежде чем меня все-таки сморил сон.

ГЛАВА 2

Неприятности всегда наваливаются разом, сбивают обласканного их вниманием «везунчика» с ног и придавливают немалым своим весом. Одно тянет за собой другое, и ты не успеваешь оглянуться, как перед твоим носом с треском захлопываются двери травяной лавки, в которую ты, между прочим, вложила немало сил и времени.

День клонился к вечеру. Над скамейкой в темнеющем парке тоскливо пищали комары, но проверять, какова на вкус кровушка обозленной на весь белый свет ведьмы, не спешили. Ведьма же, столь неожиданно оставшаяся без работы, попросту не знала, что делать дальше.

Еще утром не было никаких сомнений в незыблемости моего маленького и уютного мира, который я любовно выстраивала с первого курса ведьмовской высшей школы. Место в лучшей в Террее лавке целебных трав я заслужила по праву, совершенствуя навыки, экспериментируя с зельями и прочими снадобьями, которые пользовались у горожан невероятным спросом. И вот уже к обеду, после того как к хозяйке наведалься круглый, словно шарик сдобного теста, и подозрительно знакомый лысый человечек, затянутый в строгий костюм, я лишилась всего.

Хозяйка отводила глаза и что-то неразборчиво мямлила о финансовых трудностях и необходимости сокращения числа работников, и это было жалко и омерзительно настолько, что я даже до конца слушать не стала. Прихватила свои немногочисленные вещи, колбочки с экспериментальными зельями и мешочки с редкими травами, которые сама собирала, стремясь улучшить ассортимент снадобий, и ушла. А за порогом некогда бывшей мне чуть ли не родным домом лавки вспомнила, где видела лысого колобка: им был не кто иной, как один из личных помощников господина градоправителя.

Доран, к моему безразличному удивлению, оказался тем еще слюнтяем. Ну, кто бы мог подумать, что, получив букетом — заслуженно, между прочим, — он побежит жаловаться папеньке? И что папенька, вместо того чтобы научить сына самостоятельно справляться с возникшими проблемами в личной жизни, подло отомстит за поправное чувство собственного достоинства единственного отпрыска?

И вот этого человека мама прочила мне в женихи. Да от одной мысли, что у меня могло быть что-то общее с ним и его мерзкой семейкой, тошнота к горлу подкатывала!

Всхлипнув и зло вытерев рукавом темно-зеленого форменного платья глаза, я резко встала, распугав спевшихся комаров, и побрела к выходу из парка. Ничего. Сейчас я доберусь до дома, выпью огромную кружку горячего шоколада... и все расскажу маме. Не я первая начала эти детские

игры. Папа-градоправитель — это, конечно, сильно, но... темной ведьме он не соперник.

Я застыла, смакуя недостойную, но весьма соблазнительную мысль, и с тяжким вздохом признала, что это не вариант. И не только потому, что некрасиво, просто мама никогда в восторге от моей работы не была и вполне может обрадоваться такому повороту, а то и вообще потребовать, чтобы я Дорану извинения принесла. Нет уж, спасибо, обойдусь как-нибудь.

Правда, как именно, я не знала. Ни единой идеи в голове так и не появилось, и к дому я добрела уставшая, злая на себя, на весь мир в целом и на выскочившую за калитку голубоглазую брюнетку в коротком синем платье в частности. Все-таки природа знатно подшутила: я была почти полной копией матушки, в то время как унаследовавшая темный дар Дейдра походила на отца. Жаль только, не характером.

— Где тебя носило?! — возопила сестричка, дернув себя за пышные косы. Значит, и правда переволновалась, в спокойном состоянии она себе такого не позволяет.

— Где носило, там уже нет, — буркнула я, повторив ответ Дей на мой вопрос, заданный сегодняшним излишне ранним утром, когда она все-таки соизволила явиться в свою комнату. Что примечательно, через окно.

— Не будь злою, Кая, тебе не идет, — поморщилась Дейдра и затараторила, как обычно, не давая ни единой возможности вставить хотя бы слово: — Вот ты обижаешься, а у меня и в самом деле любовь! Он — светлый! А ты знаешь, что мама ни за что не позволит встречаться со светлым магом! А он такой, тако-о-ой! Ой! И нечего пихаться! У меня хотя бы оправдание есть, а у тебя?! Ты должна была вернуться еще час назад! Ты знаешь, что на кладбище труп нашли?! Страшный-престрашный! Говорят, там ритуал был, запрещенный и жутко сильный, до сих пор магический фон нестабилен, и чуть ли не все кладбище поднялось! Папа не пустил, а я так посмотреть хотела... А мама

искать тебя рвется, извелась вся, да и гость заскучал, ему ведь тебя обещали, а ты-ы-ы...

— Стоп! — рявкнула я, чувствуя, что начинаю тонуть в бурном словесном потоке, и встряхнула сестрицу за плечи. Голова от ее трескотни уже кругом пошла, еще немного — и вовсе отвалится. — Кому еще меня обещали?!

— А, да не запомнила я, как его зовут, поняла только, что он маг, и довольно сильный... Темный, привлекательный и неженатый, — построила хитрую мордашку Дейдра. — Он вроде бы по какому-то делу пришел, но мама его как увидела, как оценила... Он остался на ужин. А ты опоздала. И мама, как бы помягче выразиться, в ярости.

Я скрипнула зубами. Да что же это такое, опять матушка все мои слова мимо ушей пропустила! Мало неприятностей из-за Дорана, так она новую проблему на мою голову навязать хочет! Подумать только, ее даже совершенно незнакомый маг в качестве зятя устраивает! Был бы у него темный дар, а мелочи вроде морального облика и отсутствие либо наличие за душой злодеяний для госпожи Райны не важны.

Закралась трусливая мыслишка развернуться и сбегать, пока мама не заметила прибытия «главного блюда», а тут еще и Дейдра, азартно сверкая глазами, зашептала:

— Давай через сад, а там в мое окно. Пересидишь у меня, я не выдам!

Искушение было велико, но совершенно не вовремя вспомнилось, что мне в отличие от Дей уже не шестнадцать, что я взрослая и самостоятельная и что сбегать от проблем глупо, все равно рано или поздно догонят. Пришлось глубоко вздохнуть, настраиваясь на боевой лад, и, отстранив растерявшуюся сестру, зашагать к дому.

Ужин матушка вопреки обыкновению накрыла в гостиной. Котла здесь, разумеется, уже не было, как и летучих мышей, и резкого, дурманящего аромата трав, и прочих прелестей темноведьминских ритуалов. Все чинно и благопристойно до такой степени, что даже мне тошно стало. За

изячно сервированным столом сидели мама и незнакомый молодой мужчина в строгом сером костюме, смуглый и темноволосый. Отец то ли еще с работы не вернулся, то ли уже успел сбежать. В ярко-изумрудном, под цвет глаз, платье, с тщательно уложенными светлыми локонами госпожа Райна была чудо как хороша. Еще бы выражение лица поласковее сделала, а то с таким только злостных должников встречать, а не родную дочь. Мужчина при моем появлении неспешно поднялся и слегка поклонился, как и полагается в приличном обществе. Только вот вряд ли наше семейство к этому самому обществу относилось. Я с опаской взглянула на маму, но, невзирая на беснующиеся в глазах молнии, обрушивать на мою голову грозу родительского гнева она не собиралась. Не сейчас по крайней мере.

— А вот и моя любимая дочь! — радостно возвестила мама, одним лишь движением брови пообещав все муки бездны, если я хотя бы попытаюсь сделать что-то не так. — Кайра, счастье мое, что тебя так задержало? Впрочем, не важно, — опомнившись, не дала она мне и рта раскрыть. Весьма благоразумно, кстати. — Главное, ты все-таки здесь. Позволь представить тебе... э-э-э...

Браво, матушка. Даже не запомнила имени потенциального зятя, а все туда же!

— Атон Клайдан, — еще раз поклонился незванный гость.

Я бросила на него настороженный взгляд и с трудом подавила тоскливый вздох. Хорош. Еще как хорош! Уверенный в себе, высокий, широкоплечий, черты лица правильные, мужественные, глаза ярко-синие, волосы черные, густые, собранные в короткий хвост. Сила чувствуется темная, да, но отчего-то она совершенно не отталкивала, наоборот, скрывалось в ней что-то невероятно притягательное. И почему мы не при других обстоятельствах встретились? Как бы я хотела, чтобы на мне было красивое платье, волосы не напоминали воронье гнездо, а лицо не хранило следы недавних слез. И самое главное — оказаться в этот момент как можно дальше от матушки.

А еще — самое-самое несбыточное — чтобы он не был темным.

— Рад познакомиться, госпожа, — между тем улыбнулся объект печальных размышлений, да так, что и мои губы помимо воли дрогнули в ответной улыбке.

Еле удержать успела.

— Взаимно, — смущенно пробормотала я, под умиленным матушкиным взором протягивая руку.

К счастью, гость ограничился осторожным пожатием моих дрожащих пальцев. Но и этого с лихвой хватило! К плечу словно огненная волна прокатилась, сердце сжалось, а в глазах потемнело. Казалось, еще миг — и я не просто сознания лишусь, но и вовсе душа тело покинет.

Слава Светлой паре, моя ладонь в ладони Атона Клайдана не задержалась, а мое странное состояние и вовсе никто не заметил. Оно было столь мимолетным, что я и сама уже не могла бы с полной уверенностью сказать, а не показалось ли мне.

— Проходи к столу, — с нажимом сказала мама. — Ты, должно быть, голодна.

— Прошу простить, но у меня был очень тяжелый день, — вежливо улыбнулась я, отступая к лестнице и под внимательным взглядом синих глаз чувствуя себя на редкость неуклюжей. Странно даже, что до сих пор нога об ногу не запнулась. — Боюсь, ни к еде, ни к беседе я не расположена.

— Ничего страшного, — ободряюще кивнул господин Клайдан. — Мне пора уходить, я и так воспользовался гостеприимством госпожи Наррай сверх положенного.

В его голосе я уловила нестерпимое желание сбежать от моей матушки. Не знаю, зачем именно он приходил, но спорить готова: уже раз сто за вечер пожалел, что не обошел наш дом стороной.

Не дожидаясь реакции мамы, я неловко попрощалась и едва ли не вприпрыжку, до последнего ощущая на себе взгляд странного гостя, удрала наверх. Закрыла дверь,

прислонилась к ней спиной... и чуть не спалила собственную кровать, лишь в последний момент впитав едва не слетевшие с ладоней золотистые искры.

— Полегче с чарами, ты же не хочешь остаться единственным ребенком в семье? — недовольно фыркнула Дейдра, с ногами устроившаяся на моей постели. Рядом стояло большое блюдо с печеньем, крошки от которого наверняка придется выгребать с простыни добрых полночи.

— Заманчиво, — буркнула я, стряхивая с пальцев оставшиеся искры. — Ты как сюда попала?

Точно помню, что Дейдра в дом не входила.

— Двери для скучных слабаков, — изрекла сестрица и цапнула печеньку, а я задумалась, где же так накосячила с воспитанием этой девицы. И только ли я. Матушка всегда была против ремня как последнего аргумента, а зря.

— Я заметила, что ты у нас очень сильная и веселая личность, — нахмурилась я. — Скоро совсем разучишься дверями пользоваться. Заодно и моего доверия лишишься.

— Ты обиделась, да? — сжевав еще одну печеньку, хлопнула пушистыми ресницами Дейдра. — Честное слово, я думала, что вернусь раньше и ты ничего не узнаешь.

— То есть ты сожалеешь не о своем возмутительном поведении, а о том, что я все узнала?! — вскипела я.

Сестру мое возмущение ничуть не смутило. Кажется, еще и позабавило. Она притянула блюдо ближе и, захватив целую горсть печенек, расплылась в блаженной улыбке:

— Видела бы ты себя! Щеки красные, глаза блестят... Бери этого, Кая, не беда, что темный, — перевоспитаем. Тойбой!

И прежде, чем я в полной мере осознала услышанное, под кровать нырнула, пакость мелкая!

Сил выживать сестру не было, я опустилась на пол, скрестила ноги и закрыла глаза. Вдох. Выдох. Спокойнее, Кайра, спокойнее. Если на каждую выходку Дей реагировать — никакого здоровья не хватит.

— Ну, он же тебе понравился, — вместе с веселым хрустом донеслось из-под кровати. — Признай, что понравился!

— И что это меняет? — мрачно спросила я, поняв, что не реагировать не выйдет, отвертеться от допроса — тоже.

То есть можно просто встать и уйти, но, во-первых, это моя комната, во-вторых, в коридоре есть риск наткнуться на маму, а в-третьих... Да, нужно признаться хотя бы себе: Атон Клайдан произвел впечатление. Правда, не уверена, что приятное. Сердце до сих пор сжимается, а по спине мурашки ледяные шмыгают. Если у меня изначально и возникло что-то вроде симпатии, ее основательно придавило непонятным страхом и ощущением, что от этого человека стоит держаться подальше.

— Многое! — воодушевилась не ведающая о моих сомнениях Дейдра. Она даже высунула из-под кровати любопытный нос, уже не опасаясь по нему получить, и заявила: — Если ты его хочешь — он будет нашим!

— Если *ты* его хочешь, то вспомни, сколько тебе лет, и забудь о своих гениальных планах, пока о них не узнала мама, — хмыкнула я.

Это я была проблемой, с которой необходимо как можно быстрее разобраться, пристроив в надежные руки. С Дейдрой все обстояло иначе. Мама конечно же подберет ей подходящего жениха — по крайней мере постарается, ибо, зная сестричку, более чем уверена, что убедить ее в правильности родительского выбора будет практически нереально, — но позже: Дей предстояло поступление в высшую школу, и мальчики вкупе с прочими развлечениями попали под запрет. Который хитрая девчонка все же умудрилась нарушить. Но с учебой у сестрички до сих пор ладилось, и если она и дальше сумеет соблюдать баланс между личной жизнью и совершенствованием ведьмовских навыков, то все обойдется. Наверное. Лишь бы не разболталась окончательно за летние каникулы, ну да мама не позволит. Но одно дело — сверстники, и другое — взрослый маг, не

знакомый и пугающий. Нет уж, такого счастья не нужно ни Дейдре, ни мне.

— Сдался он мне! Для тебя же стараюсь, — надулась сестричка и, окончательно покинув свое убежище, присела рядом со мной.

— Для меня уже мама старается, не нужно усугублять, — поморщилась я. — Расскажи лучше, что на кладбище случилось.

С этого и следовало бы начать. Столько всего навалилось, что о главном едва не забыла.

Против смены темы Дейдра не возражала — новостями она делиться любила не меньше, чем лезть в мои дела. Оказалось, что сегодня утром на том самом кладбище, по которому я бродила в поисках трав и с которого прихватила лопату, нашли сына мастера-ювелира Райнека. В разрытой могиле, полностью обнаженным и с вырезанным сердцем. Вокруг искрило так, что пришлось вызывать проклятийников — кто-то провел ритуал из запрещенных, не озаботившись тем, чтобы скрыть следы и снизить риск негативного воздействия остаточной магии. Магии не просто темной — черной, кровавой, с такой мало кто совладать может. Зато вокруг могилы этот кто-то поставил защитный контур, и до появления магов ни один зевака не пострадал. Странно очень. И жутко.

Я вспомнила охвативший меня ночью ужас и, содрогнувшись, передумала злиться на сестричку за обман. То, что я пошла вместо нее, к лучшему. Не уверена, что легкомысленной и не в меру любопытной Дей повезло бы обойтись без приключений. Там, где я предпочитала отступить, она лезла напролом, не задумываясь о последствиях, и вполне могла столкнуться с ненормальным магом, приносящим людей в жертву.

— Я так поняла, что твой красавчик... ладно-ладно, не сопи, не твой... как раз из-за этого и приходил. Ему вроде бы требуется помощь ведьмы. Темной ведьмы.

Неудивительно тогда, что он к нам пришел. Мама — одна из сильнейших, причем может похвастаться не только богатым опытом, но и обширными теоретическими знаниями, так что в темных ритуалах, даже запрещенных, разбирается.

— Без сопровождения из дома ни ногой, особенно ночью, — строго посмотрела на Дейдру я.

Делиться пережитым ночью я передумала окончательно — нечего подбрасывать дров в костер неутомленного любопытства, и без того ярко пылает.

— Мама то же самое сказала, и папа, — кисло поморщилась сестра. — Но это же глупо! Сейчас столько суеты и беготни вокруг кладбища, что никакой маньяк в здравом уме туда не сунется.

— А не в здравом? — прищурилась я, но у Дейдры всегда и на все был готов ответ.

— А не в здравом — сунется, и его тут же поймают. Так что ничего мне не... — Она поймала мой ласковый взгляд и запыхтела сердитым ежиком: — Да не пойду я никуда, не пойду!

— И на свидания свои — тоже, — потребовала я, заранее настраиваясь на долгий бой.

— Хорошо, — на удивление легко согласилась Дейдра. Неужто в ней глас разума просыпается?

Но проявить излишнюю подозрительность я не успела.

— Ты слишком грустная, — шмыгнула носом Дей и, что-то прошептав, схватила меня за руку.

Мир померк и перевернулся. Дважды. Показалось даже, что лечу в бездну, но, в отчаянии схватившись за тонкое запястье сестры, я обнаружила, что по-прежнему сижу на полу собственной комнаты, жадно глотаю ртом воздух... и вообще ничего не понимаю!

— Ты что творишь?! — прошептала я, возмущенно уставившись на ничуть не испуганную девчонку.

— Ничего, — пожала плечами та. — Это всего лишь безобидный заговор на удачу и любовь. Его еще «счастливым случаем» зовут.

— Темный заговор! — не впечатлилась благими намерениями сестры я.

— Ну и что? Он и для светлых годится, не переживай, — отмахнулась Дейдра и жадно спросила: — Чувствуешь изменения?

Я определенно чувствовала. Дыхание восстановилось, и сердце бешеным зайцем по ребрам скакать прекратило. Действительно, счастье как оно есть.

— Не расстраивайся, все еще будет, — по-своему истолковав мое скептическое хмыканье, пригрозила Дей.

От ее жизнерадостного тона стало страшно — от темных, как ни крути, я давно уже ничего хорошего не ждала, даже если эти темные мои собственные мать и сестра и желают мне только добра. Осознали бы еще, что под добром мы понимаем совершенно разные вещи.

— Сейчас у меня будет сон, крепкий и без сновидений, — пробормотала я, с трудом вставая на ноги. — У тебя — что угодно, но в пределах этих стен. Спокойной ночи, мелочь.

— Пфф! — фыркнула сестрица, легко поднимаясь с пола. Прихватила с кровати блюдо с жалкой горсткой печенья и скользнула к порогу, обиженно обронив: — Вот увидишь, ты мне еще спасибо скажешь!

— Если жива останусь, — проворчала я и захлопнула за ней дверь.

А теперь — ванна. С пеной, да. И пусть сил уже почти нет, необходимо смыть с кожи липкую сеть неприятностей, не видимую глазом, но ощущаемую всей душой.

После получаса, проведенного в ароматной пенной воде, действительно полегчало. Проблемы, само собой, не исчезли, но хотя бы на время стали несущественными. Над ними можно и завтра подумать, а сейчас — просто насладиться мелкими радостями и осознанием, что я жива. Не

свернула шею, падая в могилу, не столкнулась с убийцей, вырезавшим сердце ни в чем не повинного парня. По сравнению с этим даже потеря работы не казалась такой ужасной, как пару часов назад. В конце концов, новую найду. И даже мамино навязчивое желание выдать меня замуж не раздражало так сильно, как обычно.

Из ванной комнаты я вышла уставшая, но умиротворенная, кутаясь в огромный мягкий халат. Разобранная постель в таинственном полумраке спальни манила, обещая желанный отдых, и я шагнула было в ее объятия, когда за окном послышался подозрительный шорох. Я замерла, даже дышать перестала. Кому в этом городе настолько жить надоекло?!

Оконные створки томительно медленно распахнулись, разрезав тишину противным скрипом, и на подоконнике, подсвеченном слабым светом уличного фонаря, застыла темная сгорбленная фигура.

ГЛАВА 3

Тело торжественно возлежало на диване в ярко освещенной гостиной. Вокруг него, причитая и кидая на меня убийственные взгляды, суетилась мама. Рядом пародией на похоронный венок валялся истрепанный букет алых роз. Тело прижимало ко лбу пропитанный целебными зельями компресс, страдальчески кривилось и жалобно постанывало, но отдавать богам душу не собиралось.

Зря, как по мне. Некоторых жизнь совершенно ничему не учит.

На нижних ступеньках лестницы сидела облаченная в черную, расшитую серебряными котами сорочку Дейдра. Она увлеченно грызла огромную шоколадку и с интересом поглядывала на очередную порцию зелья, которое мама пыталась влить в невинно, по ее мнению, пострадавшего. Зелье Дей успела незаметно подменить, и мне тоже было

интересно, что же в итоге получится. Хотелось бы, чтобы шишка преобразовалась в мозг, но на такие чудеса, увы, даже самое сильное ведовство не способно.

— Чем ты его? — тихо спросил папа, как раз подоспевший к началу представления, то есть к вносу в дом тела и последующим пляскам возле оного.

Мы жались в дальнем уголке: мне матушка строго-на-строго запретила приближаться к жертве, а папе, как всегда, досталось за компанию. Он и не возражал: злить матушку еще больше сейчас никто бы ни рискнул.

— Ботинком, — мрачно призналась я, плотнее кутаясь в халат.

Ну а что? Может, конечно, кто-то и обрадовался бы неурочному гостю, нарисовавшемуся в оконном проеме, и пригласил бы на чай и приятную беседу, но у меня подобное явление восторга не вызвало. Я даже не особо задумывалась над своими действиями. Подняла с пола первое, что попало под руку, и запустила в сопящее на подоконнике чудище. По иронии, импровизированным снарядом оказался тяжелый ботинок, а чудищем — сыночек градоправителя, и без этого визита успевший испортить мне жизнь.

Видимо, недостаточно еще испортил. Ботинок, как выяснилось, ничуть не хуже лопаты. Дорана просто вымело из комнаты, благо под окном кустарник растет. Не перина, конечно, но и не твердая земля, от которой долго пришлось бы отскрести этого ненормального. Шиповник вот только жаль. Красивый был.

— Кайра... — просипело меж тем тело, трагично воздев к потолку свободную от компресса руку, и я вжалась в стену, желая слиться с ней. — Кай... ра...

— Подойди! — зашипела мама, глядя на меня как на источник всех бед в бренном мире.

— Иди, — ободряюще шепнул папа, — если что, я кину второй ботинок.

И я подошла. Без малейших угрызений совести всмотрелась в бледное лицо и полные страдания и непонимания

глаза, покрытые царапинами руки и дрожащие пальцы, покосилась на букет и с трудом подавила желание водрузить этот веник на худосочную грудь жертвы собственной тупости и моей меткости.

— За что? — бескровными губами спросило единственное чадо нашего градоправителя. На лице застывшей рядом матушки читался тот же вопрос.

— Я тебя не узнала и испугалась, — честно ответила я. Мама расслабленно выдохнула — видимо, она таки подозревала злой умысел, — а я мстительно добавила: — Если бы узнала, одним ботинком ты бы не отделался.

— Кайра! — возмутилась мама. — Да что с тобой?!

— Верный способ превратить относительно добрую ведьму в злую — лишить ее любимой работы, — вздернула подбородок я. — Пусть спасибо скажет, что до сих пор в крысу не превратился!

Хотя, судя по азартному блеску глаз сестрички, такой исход вполне возможен.

— Спасибо, — простонал Доран, приподнимаясь. Матушка тут же подложила ему под спину подушку. — Я, к слову сказать, мириться пришел... был не прав, извини! Но и ты была не совсем права... Я тебя, между прочим, люблю! — с жаром выдохнул он, заглядывая мне в глаза. Наверняка еще и веником своим размахивал бы, сумей до него дотянуться.

Я поморщилась и крепче вцепилась в полы безразмерного халата. Ситуация становилась все бредовее, но народу вроде бы нравилось. Папа тихонько внимал в уголке, надеюсь, с ботинком наготове, Дейдра увлеченно жевала уже вторую шоколадку — и куда только влезает, — матушка же белоснежным надушенным платочком промокала несуществующие слезы. Доран тоже во вкус вошел, даже о том, что не столь давно умирающего изображал, забыл. Сполз с дивана, торопливо поправил истерзанную в неравной борьбе с шиповником одежду и внезапно грохнулся передо

мною на одно колено — я чудом в сторону не шарахнулась. Сбила бы с ног маму, такой накал страстей испортила бы!

— Кайра, будь моей женой! — одной рукой по-прежнему прижимая ко лбу компресс, а другой подобрав букет, решительно выпалил Доран.

— Ах! — расчувствовалась мама.

— Э?! — растерялся папа.

— Кхе-кхе! — подавилась шоколадкой Дейдра.

— Засунь свои извинения, а заодно и предложение своему батюшке... в карман! — прошипела я, до глубины души пораженная такой наглостью.

И это после того, как я по его милости работы лишилась! Если он рассчитывал умаслить меня фальшивым раскаянием, то допустил серьезную ошибку: ведьмы, пусть даже и светлые, своих горьких слез никому не прощают.

Любой нормальный человек предпочтет держаться подальше от разъяренной женщины, особенно если она ведьма. Но Доран то ли изначально нормальным не был, то ли при падении из окна слишком сильно головой приложился. Вместо того чтобы тихо и мирно скрыться с глаз моих, он вскочил на ноги и шагнул ко мне — уж не знаю, с какими намерениями, но проверять, насколько они чисты и благородны, не тянуло. С меня и одного отвратительного поцелуя хватило.

Букет перехватить оказалось просто. Такой же тяжелый, как и первый, и колючий, как шиповник...

— Кайра! — уже с иными, далеко не восторженно-романтическими интонациями ахнула мама, когда уже дважды ударенный букетом кандидат в ее зятя, не выдержав натиска злобной ведьмы, шлепнулся на диван. И тоненько всхлипнула: — Ой...

— Ы-ы-ы!.. — простонала Дейдра, предусмотрительно отложившая недоеденную шоколадку.

— Ботинок тут будет лишним, — жалостливо пробормотал папа.